

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

1991

5

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

В 1955—1958 гг. выходил под названием «СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

В 1959—1961 гг. выходил под названием «ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»

В 1961—1990 гг. выходил под названием «НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ»

Р е д к о л л е г и я

Л. Б. АЛАЕВ
главный редактор
Ю. Г. АЛЕКСАНДРОВ
В. М. АЛПАТОВ
В. И. БРАГИНСКИЙ
А. М. ВАСИЛЬЕВ
В. И. ГЛУНИН
А. В. ГУДЫМЕНКО
зам. главного редактора
А. Б. ДАВИДСОН
А. А. КУЦЕНКОВ
Б. А. ЛИТВИНСКИЙ
А. В. МЕЛИКСЕТОВ
А. М. МОДЕЛЬ
отв. секретарь
Н. И. НИКУЛИН
Э. Е. ОБМИНСКИЙ
Ю. М. ОСИПОВ
И. В. СЛЕДЗЕВСКИЙ
В. Г. ХОРОС
Г. И. ЧУФРИН
В. Л. ШЕЙНИС
Ф. Н. ЮРЛОВ
В. А. ЯКОВСОН

Р е д а к ц и я

В. В. ЗУФАРОВА
Л. С. КАЛЕНОВА
ред. отдела культуры и идеологии
Р. Г. КАНТОРОВИЧ
ред. отдела критики и библиографии
А. Б. КОВЕЛЬМАН
ред. отдела истории
С. С. НИКИФОРОВА
ред. отдела «Научная жизнь»
Н. Г. САБУРОВА
В. Н. СОКОЛОВА

Технический редактор
Г. А. НИКИТИНА

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

* * *

Рассмотрев некоторые особенности общественной жизни населения Средней Азии, попытаемся ответить на поставленный в начале статьи вопрос. В результате развития в составе СССР регион сегодня представляет собой причудливый конгломерат современных форм экономической, социальной и политической организации, с одной стороны, и патриархальных форм этнической конкуренции — с другой. Ускоренные темпы экономического и культурного роста в первые десятилетия советской власти налицо, однако очевидна и сложность проблем, обусловленных периферийным положением в Союзе. Дальнейшее развитие не внушает оптимизма, особенно в связи с тем, что достигнутый уровень и качество жизни не соответствуют экономическому потенциалу региона. Тем не менее выход возможен, и, более того, он единственный: переход к самоподдерживающему экономическому росту региона и отказ от всеохватывающего патернализма центра.

МНОГООУКЛАДНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

© 1991

В. Н. УЛЯХИН

В обмен на хлопок и призрачную советскую государственность среднеазиатские республики получили мертвую землю, на которой уже не восстановить прежнее плодородие знаменитых местных сероземов, безработицу и массовые заболевания населения, опустошенные и обозленные человеческие сердца. В Средней Азии, пожалуй, наиболее ярко проявилась характерная черта советского (феодалного социализма) — резкая поляризация подданных и власть имущих. Здесь она предстает как обнищание народных масс, с одной стороны, присвоение позиционных у народа колоссальных богатств новыми баями (хозяйственными руководителями) и ханами (секретарями обкомов и республиканских ЦК) — с другой.

Многоукладность — это не только определенное состояние общества, но и инструмент его перехода от одного типа развития к другому. В эпоху научно-технической революции (НТР) все страны, независимо от уровня их развития, общественной ориентации или политической организации, превращаются в переходные. В таких новых индустриальных странах (НИС) Азии, как Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Турция, Таиланд, Малайзия, старый индустриальный тип роста все более изживает себя. Постоянное приспособление к требованиям внешнего и внутреннего рынка неизбежно становится ключевым фактором жизнеспособности ведущих корпораций, мелких и средних производителей, экономики в целом. В крупных странах Востока (Индия, Пакистан, Индонезия) переход реализуется, как правило, в рамках смешанного, но видоизменяющегося многоукладного воспроизводства, когда технологические инновации в масштабе корпоративного и (или) мелкокапиталистического сектора и соответствующие им сдвиги в социальной структуре приходят на смену традиционным факторным методам экономического роста.

Среднеазиатские республики СССР (Узбекская, Кыргызстан, Таджикская и Туркменская) тоже переживают своеобразный переходный период: административно-командная система — в коллапсе, но еще не отмерла, а регулирующий механизм рынка пока не сложился. Ситуация усугубляется необычайной остротой кризисных явлений, корни которых уходят в давнее и недавнее прошлое. Так что переход к новому типу развития здесь необходим как воздух. Однако существует серьезная опасность того, что в ближайшее время он не состоится, поскольку технологический уклад, аналогичный формирующимся в больших и малых странах зарубежного Востока, окажется на первых порах абсолютно несовместимым с прочно утвердившимися ранее техническими параметрами экономики Средней Азии, равно как и с не менее стойкими качественными характеристиками социальной структуры региона.

Если же переходу от тупиковой командно-административной (госмонополистической) модели и тотальной централизации к более жизнеспособной и гибкой экономике, вовсе не исключающей существенную роль государства, но не позволяющей ему игнорировать экономические законы, в среднеазиатских республиках все-таки суждено осуществиться, то трудно переоценить тот опыт многоукладного развития, который накоплен за последние 20—30 лет в странах зарубежного Востока. Глубокая убежденность в этом и побудила меня написать настоящую статью, несмотря на ощутимую нехватку макроэкономических данных по Средней Азии. К сожалению, они все еще засекречиваются или же собираются и обрабатываются по такой методике, которая делает их малоприменимыми для сопоставлений. Поэтому кое-где в статье пришлось прибегать к экстраполяциям, к оценочным суждениям, недостаточно подкрепленным надежными статистическими показателями. Тем не менее я полагаю, что и при таких ограничениях исследовательских возможностей необходимо было сделать первый шаг — перенести рассмотрение многоукладности как инструмента перехода на неприкосновенную прежде почву советского Востока.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ЕДИНСТВО В МНОГОУКЛАДНОСТИ

То или иное решение вопроса о применимости «третьемирского» (как и любого другого) опыта связано не только с тем, что существуют определенные, апробированные, по крайней мере двумя-тремя декадами развития, формы и методы стимулирования многоукладной технологической и социальной динамики в промышленности и агросфере и из них надо сделать выбор. Важно, что любые формы и методы, выработанные в многоукладной рыночной экономике, как правило, не могут дать немедленного положительного эффекта в хозяйстве, длительные годы развивавшемся в нерыночных координатах, игнорировавшем социокультурный уровень и исторический генотип общества. Для государственного олигархизма товарные отношения, рынок — это чуждые, разрушающие его начала. В рамках же многоукладности, многообразия форм собственности товарные отношения и рынок — это естественные феномены.

Изменения, происходящие в «третьем мире», стремительный рост азиатских НИС, эволюция неоднородных капиталистических и некапиталистических отношений, позволяющая даже крупным и средним странам Азии решать насущные социальные и хозяйственные проблемы, равно как и тупиковая ситуация, в которой оказались развивающиеся страны «социалистической ориентации», крах административно-централистской системы в Восточной Европе фактически уже опровергли теоретические выводы об одномерном развитии капитализма, а также упрощенческие представления о самом социализме, его моноукладности или моноорганизованности. Реальное разнообразие хозяйственных и общественных процессов и их сочетаний нельзя загнать в прокрустово ложе абстрактных моделей, обобщающих и искажающих жизнь. Отсюда — поиски альтернатив в развитии отношений собственности, социальных образований, механизмов хозяйствования и т. п., а в некоторых странах — и появление движений за возвращение на путь несоциалистического развития.

В условиях НТР принципиальное влияние на многоукладность и инвариантность развития оказывают элементы и блоки новых постиндустриальных отношений. Их зарождение происходит безотносительно к действительным или мнимым преимуществам социализма и капитализма. Напротив, оно обусловлено фактором наличия в обеих системах общих черт, образующих предпосылки трансформации индустриального общества в постиндустриальное: в виде переходных процессов, выводящих хозяйственные и социальные структуры за рамки отдельной общественной формации (например, в результате интеграции индивидуальной собственности с коллективной в акционерных, кооперативных и других формах); в виде развития самоуправляемого сектора, децентрализации, демонопользации, дерегулирования, денационализации госсектора; в виде формирования частного-государственного, иностранно-государственного акционерного капитала и т. п.

Вот эти-то процессы и создают предпосылки для появления элементов и блоков таких структур и отношений, которые, не отличаясь по своей сути от социалистических (или капиталистических), конструктивно взаимодействуют с сохраняющимися и трансформирующимися капиталистическими (или социалистическими) структурами и отношениями. Образуется смешанная экономика, в которой присутствуют различные, в том числе конкурирующие, укладные формы.

Смешанная экономика — это отнюдь не простой конгломерат социально разнородных начал, взаимодействующих лишь в силу их рядоположенности. Она представляет собой достаточно прочное и воспроизводимое целое, составляющие которого не только конкурируют, но и дополняют друг друга, а их конкурентоспособность оказывается решающим фактором динамичности и эффективности всей системы. Происходящая внутри нее трансформация социально-экономических отношений и структур органично связана как со становлением внутреннего рынка, так и с динамикой мирохозяйственной интеграции и НТР.

Указанные свойства многоукладной экономики позволяют говорить о ней как о модели коренного преобразования административно-централистской системы и переустройства общества (демократическим путем) — при соблюдении интересов всех социальных слоев и в меру нарастания соответствующих потребностей и предпосылок такого переустройства.

С проблемами становления гетерогенных социально-экономических структур ныне так или иначе приходится сталкиваться всем странам, а отсюда логически следует вывод о планетарном характере многоукладности, о том, что в ближайшие полтора-два десятилетия она все же сможет стать средством адаптации советской Средней Азии к тем переменам, которые разворачиваются на зарубежном Востоке и — в более широком плане — во всем мировом хозяйстве.

В чем практически проявляется современная многоукладность?

В первую очередь — в формирующейся производственно-технологической и хозяйственно-отраслевой структуре. Даже в тех странах Азии, которые далеко продвинулись по пути технического прогресса, преобладающий тип промышленных объектов представлен мелкими и мельчайшими заведениями. Именно на них занята большая часть наемных рабочих (табл. 1), и они же наиболее активно притягивают новую рабочую силу. С 1983 по 1989 г. в странах — промышленных экспортёрах (Сингапур, Южная Корея, Гонконг, Малайзия, Таиланд) число заведений, где занята менее 20 человек, ежегодно увеличивалось в среднем на 5—7 %, тогда как количество фирм с персоналом в 100 и более наемных работников росло за тот же период лишь на 3—4 % в год. Что же касается крупнейших корпораций и филиалов ТНК, то их число фактически не изменилось, а в некоторых странах (Сингапур, Таиланд) даже несколько уменьшилось в результате оттока прямых иностранных инвестиций¹.

В крупных густонаселенных странах Востока (Индия, Индонезия, Пакистан) приблизительно лишь $\frac{1}{3}$ рабочего класса связана с корпоративным или организованным (частным и государственным) производством. В то же время за последние 7—8 лет масса наемного труда, привлекаемого неорганизованным, в основном мелкокапиталистическим, сектором, возросла здесь почти в 1,5 раза, а число мелких предпринимателей увеличилось на 65—80 %. Причем больше половины новых мелких предприятий зарегистрировано в современных капиталоемких отраслях, включая общее машиностроение (производство частей и компонентов), металлообработку, электронику и электротехнику, техническое обслуживание и ремонт, химическую, полиграфическую и другие отрасли².

Наконец, в странах среднего эшелона (Египет, Марокко, Турция, Филиппины, Шри-Ланка) на долю предприятий с 10—20 рабочими приходится $\frac{9}{10}$ всех промышленных объектов капиталистического типа, а их количественный рост к началу 90-х годов ускорился по сравнению с серединой 80-х примерно на 10 %. Заведения с числом наемных рабочих до 20 человек поглощают в среднем $\frac{2}{3}$ —

¹ Small Industry Bulletin for Asia and the Pacific. ESCAP. N. Y., 1990, p. 37.

² P. Stewart. Macro-Policies for Appropriate Technology in Developing Countries. L., 1989, p. 124.

$\frac{3}{4}$ наемных рабочих, причем эта пропорция прослеживается практически в каждой из высокотехнологичных промышленных отраслей ³.

Наметившиеся в последние годы, особенно в восточноазиатских НИС, укладно-интеграционные тенденции (расширение подрядных связей корпораций с низ-

Таблица 1

**Сравнительное положение некорпоративных структур *
в экономике Средней Азии
и некоторых государств зарубежной Азии (%)**

Группы стран	Годы	Доля в общей занятости **		Доля в валовой продукции (обороте) ***	
		производство	непроизвод- ственная сфера	производство	непроизвод- ственная сфера
Развивающиеся страны Азии (РСА)					
РСА — промышленные экспор- теры (Южная Корея, Тай- вань, Гонконг, Сингапур)	1986—1989	23—33	50—60	25—35	60—70
Крупные РСА (Индия, Паки- стан, Индонезия)	1986—1989	30—40	68—78	34—44	76—86
Средние РСА (Египет, Турция, Филиппины, Шри-Ланка)	1986—1989	21—31	62—72	28—38	65—75
КНР	1986—1989	22	31	27	30
Туркестанский край и среднеазиатские республики СССР					
Туркестанский край	до 1917	30—33	62—65	29—32	46—49
Туркестанская АССР	1922—1924	42—45	71—74	34—37	62—65
Республики Средней Азии (Узбекская ССР, Кыргызстан, Таджикская ССР, Туркмен- ская ССР)	1988—1989	0,4	1,1	1,5***	1,2

* Мелкокапиталистическое, мелкотоварное и самоуправляющееся предпринимательство.

** Среднеазиатские показатели.

*** Включая строительство.

Рассчитано по: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987; Народное хозяйство СССР в 1988 г. М., 1989; СССР в цифрах в 1989 г. М., 1990; Население СССР за 70 лет. М., 1988; Н. П. Сараянов. Экономика и экономическая политика СССР. М., 1926; World Employment Review. ILO. Geneva, 1985—1986; Year Book of Labour Statistics. ILO. Geneva, 1985—1989.

шими предпринимателями при относительной гибкости мелкого сектора) в какой-то мере напоминают структурно-технологические процессы на Западе и в Японии, где НТР, как известно, неизмеримо повысила роль некорпоративного (мелкого и среднего) производства. Во всяком случае, весьма высокая степень сопоставимости характерна для большинства показателей. Так, в циклической динамике развития некорпоративного сектора на Западе последние 5—7 лет отмечены весьма высокой производственной, научно-технической и коммерческой активностью мелкого бизнеса, на долю которого, по разным подсчетам и с поправкой на национальные критерии классификации, приходится от $\frac{1}{5}$ отраслевого промышленного производства в ФРГ, Англии, Италии до $\frac{1}{3}$ — во Франции, США и Японии. Это не намного меньше, чем в восточноазиатских НИС. На мелких предприятиях занято в среднем от 20—25 % (Англия, ФРГ, США) до 35—45 % (Япония) отраслевой рабочей силы ⁴.

В Китае доля низших укладов, включая коллективное, частное мелкокапиталистическое (свыше 7 наемных рабочих) и индивидуальное мелкотоварное (до 7 занятых) предпринимательство, возросла в валовом национальном продукте

³ N. Warner. The Changing Division of Labour in Asia. Delhi, 1989, p. 54.

⁴ См.: Industrial Statistics Yearbook. General Industrial Statistics. UN. N. Y., 1989, p. 32—45.

за последние 10 лет в 10 раз, с 2—3 % до 30—33 %, и, несмотря на политические пертурбации 1989 г., остается стабильной. Во внутреннем товарообороте доля продукции коллективного (кооперативного) мелкого сектора увеличилась к началу 90-х годов почти до 40 %, а индивидуального мелкотоварного (включая деревенскую промышленность) — до 25—30 %. В городской промышленности Китая, торговле, услугах и транспорте доля мелкого негосударственного (коллективного и индивидуального) сектора составляет примерно $\frac{1}{4}$ по валовой стоимости продукции (или обороту) и $\frac{1}{3}$ по занятости. В непроизводственной сфере города и деревни частно-индивидуальные и коллективные предприятия охватывают около $\frac{1}{3}$ всех занятых, что вполне вписывается в общемировой хозяйственный тренд⁵.

Следует заметить, что во многом схожие процессы происходили некогда и в экономическом пространстве Средней Азии. Начавшись в 90-е годы XIX в. на территории тогдашней русской колонии — Туркестанского края (он включал в себя Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую, Семиреченскую и Закаспийскую области), объективные процессы эволюции гетерогенной хозяйственной и социальной структуры в разных отраслях, протекая с неодинаковой скоростью (в отдельные периоды медленнее, в другие быстрее), тем не менее продолжались вплоть до конца 20-х годов нынешнего столетия в пределах Туркестанской АССР, а затем — выделившихся из нее республик.

Таким образом, Средняя Азия обладает собственным опытом многоукладного развития, на котором необходимо остановиться подробнее.

МНОГОУКЛАДНОСТЬ *VERSUS* ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОНОПОЛИЯ

Серьезные изменения в экономической жизни региона накапливались постепенно в ходе развития хлопководства и наиболее четко обозначились в 1908—1913 гг. Именно тогда здесь были достигнуты близкие к средним по империи показатели роста мелкомасштабного предпринимательства. Статистические обследования, проводившиеся в 1912—1913 гг. в Ташкенте, Самарканде, Маргелане, Петро-Александровске, Верном, показали прирост контингента мелких предпринимателей на 15—17 % по сравнению с 1908 г.⁶ Численность мелкотоварных и мелкокапиталистических производителей, работавших непосредственно на рынок и через скупщиков, составляла около 75 тыс. человек, а общее число занятых в мелком производстве превышало 500 тыс. человек, или $\frac{1}{3}$ экономически активного населения.

Совместенность кустарной, мануфактурной и фабричной стадий капиталистического развития обуславливала объективную необходимость одновременного существования и взаимодействия различных укладно-предпринимательских потоков. Соотношение между дофабричным (кустарно-ремесленным) и фабричным бизнесом (заведения с персоналом 50—100 и более человек) по доле в промышленной продукции составляло примерно 3 : 1, а в непроизводственной сфере — почти 5 : 1. Взаимозависимое развитие разных укладно-предпринимательских структур не в последнюю очередь способствовало достижению в предвоенный период очень высоких для Азии темпов развития промышленных отраслей (5—7 %). Они вполне сопоставимы с динамикой ведущих экспорториентированных производств в восточноазиатских НИС.

В начале 20-х годов, в условиях нэпа, государство оказывало всемерную кредитно-финансовую и сырьевую поддержку мелкому производству с целью оживления оборота и покрытия острых товарных дефицитов. Благодаря этому мелкомасштабное предпринимательство (мелкотоварное, мелкокапиталистическое и кооперативное) развивалось тогда в Туркестане успешно и давало почти $\frac{2}{5}$ ва-

⁵ Рассчитано по: China. A Statistical Survey in 1989. Beijing, 1990, p. 52—63.

⁶ Здесь и ниже см.: А. А. Рыбников. Мелкая и кустарная промышленность в России и СССР. М., 1926; Н. В. Турчанинов. Города азиатской России. СПб., 1914.

ловой промышленной продукции (включая потребительские изделия), т. е. примерно столько же, сколько в настоящее время приходится на совокупное неорганизованное и организованное мелкое производство в большинстве стран Востока. Темп роста численности занятых в мелком (частном и кооперативном) секторе достигал в среднем по четырем республикам (Туркмения, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) 42—45 % в год⁷. В значительной мере благодаря быстрому прогрессу мелкой промышленности были достигнуты небывало высокие темпы прироста промышленного выпуска — 25—30 % в год. Это позволило к 1926 г. не только приблизиться к довоенному уровню, но и превзойти его.

Следует при этом подчеркнуть два важных момента. Во-первых, хозяйственный рост в данный период обеспечивался почти полностью за счет производства новой стоимости как в частном, так и в государственном секторах экономики. В этом — принципиальное отличие от периода конца 20-х — начала 30-х годов, когда быстрое статистическое наращивание темпов нередко получалось путем простого арифметического прибавления к государственной собственности реквизируемых мелких капиталов. Во-вторых, — и это самое главное — в начале 20-х годов в экономике советского Востока стал складываться тот хозяйственный механизм, приобретающий черты новой, внутренне взаимосвязанной, целостной модели многоукладного развития, который мог бы обеспечить длительное динамическое равновесие между взаимодействующими переходными социально-экономическими структурами на основе сочетания государственных интересов и конкурентных стимулов. Высвобождение хозяйственной инициативы во всех секторах экономики, ориентация на местные рынки, облегчавшая развитие производительных сил крупного и мелкого секторов и укрепление их экономической жизнеспособности, могли, казалось, стать краеугольными принципами экономического прогресса.

Реальный процесс пошел, однако, в противоположном направлении. На рубеже 20—30-х годов в среднеазиатских республиках было огосударствлено, закрыто или экспроприировано не менее 80—85 % всех действующих предприятий в промышленности и торговле, в том числе мелкие частные и семейные заведения, кустарные и артельные мастерские и т. п. В относительных показателях это примерно в 2,5—3 раза больше того, что подверглось огосударствлению на всем зарубежном Востоке, включая Китай, в течение всех кампаний по национализации, т. е. начиная с конца 40-х годов и до конца 60-х⁸. Тогдашний режим видел главную линию развития в переходе от капиталистической монополии к монополии социалистической, не допускавшей какую-либо самостоятельность экономических субъектов, экономический счет и эквивалентный обмен, логически приведшей к централизации не только мелкого сектора в городе, но и мелкотоварного производства в деревне.

Отныне все формы хозяйствования прямо или косвенно сводились к одной — государственной. В результате была уничтожена экономическая основа многоукладности и хозяйственной состязательности, подорваны, если не разрушены, социально-культурные механизмы, питавшие экономическую инициативу, самостоятельность и предприимчивость. Любые их проявления уничтожались в зародыше единообразно организованной хозяйственной системой, в которой центральное положение заняли бюрократические службы идеологизированного государства. Средствами планирования, внеэкономического принуждения и централизованного перераспределения ресурсов они на долгие годы навязали региону монокультурную специализацию. Экспансия хлопка изуродовала отраслевую структуру хозяйства. Но этим ее «заслуги» перед среднеазиатским обществом не ограничиваются. Вместе с трагедией сплошной коллективизации колоссальные

⁷ Статистический ежегодник. 1927—1928. Т. 6. Вып. 3. М., 1928, с. 12—15.

⁸ Рассчитано по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР (1918—1923 гг.). Т. 17—18. М., 1924; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927. М., 1927; СССР за 15 лет: статистический материал по народному хозяйству. М., 1932; На путях к обобществлению мелкой промышленности СССР. М., 1929; М. М. Жирмунский. Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927; И. Г. Мингулин. Пути развития частного капитала. М., 1927; С. Hull. A Small Business Agenda. N. Y., 1986; H. Harding. China's Second Revolution. Washington, 1987.

диспропорции форсированного роста «хлопкового комплекса», предпосылки которого были заложены тоже в 30-е годы, привели к не меньшим деформациям объективных тенденций социально-классовой эволюции в среднеазиатских республиках СССР, чем, скажем, политика прежних метрополий в бывших колониальных и зависимых странах Азии.

В целом административно-централистская система не сняла и не могла снять проблему многоукладного развития, не решила и не была способна решить задачу создания такой системы отношений, которая на деле, по самой своей сути способствовала бы подлинной модернизации среднеазиатского общества. Модернизация по-советски, узко понимавшаяся как индустриализация по преимуществу, игнорировала специфику кустарно-ремесленных промыслов региона и тем более демографическую ситуацию (отец семейства, работая на промышленном предприятии госсектора, не в состоянии прокормить семью из 7—8 человек). Регион оказался неподготовленным к восприятию привнесенной извне индустриализации, и это несоответствие сохраняется по сей день. Неудивительно поэтому, что, несмотря на тотальное огосударствление экономики, мелкое производство, столь же органичное Средней Азии, как орошаемое земледелие и экстенсивное скотоводство, возродилось уже в 50-е годы, в первую очередь — в сельском хозяйстве. Здесь оно базируется на мелких, размером в 0,01—0,02 га, высокотоварных хозяйствах, ведущихся на приусадебных и приарендованных к ним parcelльных участках. Сейчас за счет таких хозяйств живет не менее 60—70 % сельского населения Средней Азии. Возродились и традиционные способы перераспределения производимого товарными хозяйствами продукта: львиная доля его уходит на рынок через перекупщиков, аккумулирующих благодаря этому значительные доходы, которые немало способствуют «вздуванию» престижного потребления и росту коррупции⁹.

МНОГОУКЛАДНОСТЬ *VERSUS* ДУАЛЬНОСТЬ

Социально-экономическая ситуация в регионе все более уверенно приобретает тупиковый характер. Совокупное предложение в возрастающих масштабах ограничивается острым дефицитом почти всех ресурсов. В свою очередь, сопряженные с государственной монополией и колоссальной хлопководческой сферой макроструктурные диспропорции препятствуют переливу имеющихся скудных или ограниченных ресурсов, нейтрализуя возможную рыночную реакцию товарного предложения на динамику спроса. Неудивительно, что рыночные импульсы очень быстро затухают: ведь повышение покупательной способности сопровождается, как правило, не приростом товарного предложения, а инфляционным подъемом цен, новым увеличением дефицита и неудовлетворенного спроса.

Отрицая в принципе возможность хозяйственной многоукладности и альтернативности, но жестко и зачастую необоснованно декретируя темпы роста нужных центру отраслей, навязывая плановую траекторию развития равно и приоритетным секторам, государственный олигархизм способствовал скорее становлению и поляризации дуалистической социально-экономической структуры, чем достижению официально декларированных целей развития — пропорционального развития экономики и сглаживания социальных различий. И — что самое печальное — это квазисоциалистическое «новообразование» типологически сильнее всего тяготеет к структурам, сложившимся не в новых индустриальных, а в беднейших странах Востока, где дуализм и несбалансированность экономики выражены в особо тяжелых формах.

Об этом, в частности, можно судить по опубликованным в последнее время статистическим данным, характеризующим технологическую структуру занято-

⁹ О нынешнем мелком производстве в Средней Азии см.: С. П. Поляков. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989, с. 16—35. Кстати, в результате недавних экспериментов по введению регионального хозрасчета, обернувшихся региональной замкнутостью, положение мелкотоварных производителей заметно ухудшилось: с одной стороны, были введены запреты на вывоз продукции за пределы региона, с другой — усилилась монополия местных оптовиков.

сти по крайней мере в трех отраслях экономики среднеазиатских республик — промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Так, в промышленности доля рабочих, занятых трудом при помощи машин и механизмов, увеличилась за истекшую декаду с 49 до 51 %, т. е. среднегодовой прирост их численности составил в 80-е годы примерно 0,1 % — по сравнению с 0,5—0,7 % в корпоративном секторе восточноазиатских НИС¹⁰. За тот же период доля занятых ручным трудом практически не сократилась, что свидетельствует о недопустимо низких темпах прогрессивных изменений в технологической структуре рабочего класса. Еще медленнее шли эти изменения в строительстве: доля рабочих, занятых ручным трудом, уменьшилась здесь в 80-е годы с 60 до 57 %, т. е. снижалась всего на 0,2 % в год — по сравнению с 0,4—0,6 % в Южной Корее, Гонконге, Сингапуре, Таиланде и Малайзии¹¹. Если к этому прибавить, что и в сельском хозяйстве по-прежнему господствует ручной труд, то становится очевидным, что «традиционный сектор» Средней Азии представляет собой совокупность отсталых в техническом отношении производств с повышенной и нетерпимой по современным критериям расточительностью. Он поглощает огромную долю производственных ресурсов, притягивает почти $\frac{2}{3}$ производственного персонала и тем самым замораживает технологическую структуру занятости фактически на уровне 30—50-х годов¹².

В результате и социальная структура формируется в Средней Азии по ярко выраженному доиндустриальному прототипу, о чем, в частности, свидетельствуют пропорции занятости в производственных отраслях, производственной инфраструктуре и сфере услуг, торговли и управления. В среднеазиатских республиках они выражаются отношением 28—30 : 31—33 : 38—40, тогда как в восточноазиатских НИС — 19—21 : 28—30 : 50—52, а в крупных странах Азии — 25—27 : 30—32 : 42—44. Таким образом, доля рабочей силы, занятой в индустриальных отраслях, строительстве, транспорте и связи этих республик, в 1,5—2 раза превышает соответствующий показатель для азиатских промышленных экспортеров.

Когда речь идет о реальном становлении постиндустриального состава занятости и адекватной ему социальной структуры, имеется в виду не только то, что в ходе такого становления основная масса рабочей силы перемещается в отрасли нематериального производства или что в материальном производстве рост в первую очередь происходит в отраслях, опирающихся на широкое применение новых научных знаний (электроника, фармацевтика, компьютерная техника, агро- и биотехнология и т. п.). Чрезвычайно важно и другое. На фоне происходящей под воздействием НТР безвозвратной потери рабочих мест в отраслях материального производства, особенно традиционных, в них, как показал опыт Южной Кореи, Тайваня, Малайзии, Сингапура и Турции, увеличивается доля рабочих мест непроизводственного характера.

Между тем в среднеазиатских республиках сейчас сплошь и рядом раздаются решительные призывы хозяйственников сократить непроизводительные виды деятельности, поставить людей к станку¹³. Многим и невдомек, что при всей гипертрофированности административно-управленческого персонала здесь, даже в сравнении с развивающимися странами нижнего эшелона, слишком слабо развиты важнейшие укладно-инфраструктурные подразделения, которые определяют облик современного производства. Другими словами, нет понимания того, что,

¹⁰ Рассчитано по: Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 112—124; Научно-технический прогресс в СССР. Статистический сборник. М., 1990, с. 226—230; Социальное развитие СССР. Статистический сборник. М., 1990, с. 27—55, 76—84; Industry and Technological Development News for Asia and the Pacific. ESCAP. Bangkok, 1989, p. 114—138.

¹¹ Ср.: Население СССР за 70 лет, с. 160—172; Народное хозяйство СССР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1990, с. 366—375, 560—562; World Employment Review, 1980—1988. ILO. Geneva, 1989, p. 105—144.

¹² Более того, в связи с введением новых, более жестких стандартов на приемку хлопка машинного сбора достигнутый ранее объем машинной уборки хлопка в 80-е годы заметно сократился (История развития механизации хлопководства в Узбекистане. Ташкент, 1985, с. 93—94).

¹³ См., например: Советская Киргизия (Фрунзе), март—апрель 1989 г.; Туркменская искра (Ашхабад), сентябрь—октябрь 1989 г.; Правда Востока (Ташкент), январь—март 1990 г.

если у станков стоит подавляющая часть персонала предприятия, это признак технической отсталости и низкой производительности. Сжатое в рамках госсектора многоукладное производство советского Востока, подобно производству в беднейших странах Азии, перенасыщено трудом отживающего доиндустриального типа, а в категории инфраструктурного персонала до сих пор преобладают кадры, обеспечивающие функции командно-приказного управления. И на этом фоне с каждым годом катастрофически нарастает структурная безработица! В одном лишь Узбекистане при общей численности населения республики в 20 млн. человек насчитывается (2,5 млн.) безработных, причем в основном это — молодежь. Во всей Средней Азии безработных около 5 млн.¹⁴ Неудивительно, что живет ниже черты бедности 40 % населения, костяк же этой массы социалистических пауперов образуют многодетные семьи.

Логическое следствие моноукладности в экономике — преобладание отраслевых суперсистем, крупных и крупнейших предприятий и объединений в рамках госсектора. Они создают иллюзию лучшей управляемости и контролируемости, на деле резко снижают отраслевую гибкость и маневренность.

В то время как в развивающихся странах Востока в целом по обрабатывающей промышленности на крупные (более 1000 человек) предприятия приходится лишь 0,05—0,1 % общей численности производственных единиц, на средние (50—1000 человек) — от 2 до 7 %, на мелкие (до 50 человек) — от 93 до 98 %, а доля их в общей стоимости продукции составляет соответственно 40—45, 15—20 и 38—43 %, в среднеазиатских республиках 60 % предприятий имеют численность свыше 500 человек¹⁵, на 1/4 промышленных объектов занято более 300 человек, и только на 15 % предприятий численность рабочих не превышает 50 человек (табл. 2).

Таблица 2

Распределение промышленно-производственного персонала по разным группам промышленных предприятий в Средней Азии и некоторых государствах Азии (%)

Группы предприятий с численностью персонала*	Доля групп в общей численности персонала				
	Южная Корея	Тайвань	Индия	Индонезия	Среднеазиатские республики СССР
Менее 20 человек	8—12	7—11			1,6
21—29		25—29	99,7	98,6	
100—200	33, 37	26—30			3,4
↕ ↕					
201—500					19,2
501—1000					11,2
1001—5000					36,5
↕ ↕	53—57	34—38	0,3	1,4	
5001—10 000					15,9
Более 10 000 человек					12,2

* Среднегодовая численность в 1986—1988 гг.
Рассчитано по источникам к табл. 1.

В СССР мелкими и средними по масштабу производства считаются государственные предприятия с числом занятых до 100 человек, объемом валовой продукции до 1 млн. руб., стоимостью основных производственных фондов до 350 тыс. руб. В конце 80-х годов удельный вес таких предприятий в госсекторе среднеазиатских республик составлял по числу предприятий — около 30 %, по валовой

¹⁴ Причем не может идти и речи о безработице в европейском значении термина. Ведь то же хлопковое производство использует ручной труд школьников, студентов, горожан, а для развития промышленного производства в Среднюю Азию рекрутируются рабочие из других регионов страны, поскольку местное население, не подготовленное ни в техническом, ни в социально-психологическом отношении, несмотря на безработицу, не идет в городскую промышленность.

¹⁵ 500 человек — эмпирически установленный предел административной управляемости.

продукции — 2,5 %, по числу занятых — 1,6 %, по объему основных фондов — 1,5 %. Заметное сокращение доли малых предприятий госсектора произошло в 70-е и 80-е годы, главным образом в связи с формированием монопольных производственных объединений. Если в 70-е годы последних насчитывалось в промышленности около 40 (6—7 % валовой продукции, 5,5—6 % всех занятых), то в 80-е — уже более 150 (почти половина всей продукции и $\frac{3}{4}$ занятости). Только в машиностроении 8—10 крупных предприятий и объединений являются полными монополистами в производстве (сборке) отраслевой продукции. Ни в одной стране Востока никогда не было и нет столь высокой степени монополистической концентрации и отраслевой централизации производства.

Таблица 3

Сравнительные показатели масштабов
мелкого предпринимательства в Средней Азии
и некоторых государствах зарубежной Азии в 1988—1989 гг.

Республика Страна	Число зарегистри- рованных предприятий (тыс.)	Численность занятых (тыс. человек)	Объем реализо- ванной продук- ции, работ, услуг (млн. руб., долл.)
Кооперативы и индивидуальные предприятия			
Узбекская ССР	9,0	250,5	1782,5
Кыргызстан	1,7	38,7	255,7
Таджикская ССР	1,8	40,7	279,3
Туркменская ССР	1,3	30,5	190,6
Мелкие частные заведения с персоналом 5—20 человек			
Турция	570	10 000	15 000
Малайзия	320	4000	8000
Таиланд	400	5000	11 000
Филиппины	290	7000	9200
Шри-Ланка	110	2000	4000

Рассчитано по источникам к табл. 1.

Что касается негосударственных мелких предприятий (кооперативных и индивидуальных), то за годы перестройки данный сектор охватил в республиках Средней Азии лишь 1—2 % всех занятых. Это 75 тыс. человек в индивидуальном мелкотоварном производстве и 600 тыс. в кооперативах (табл. 3) — мизерная величина по мировым стандартам. Правда, в последнее время число кооперативов растет очень быстро, а занятых в них — утраивается почти ежегодно: в 1988 г. кооперативно-индивидуальный уклад охватывал в Средней Азии около 2 тыс. предприятий с 38 тыс. человек, в 1989 г. — уже 13,8 тыс. предприятий со 100 тыс. человек, в 1990 г. — 24 тыс. предприятий с 600 тыс. человек¹⁶. Доля кооперативного производства в региональном ВВП достигла сейчас 1,5—1,7 %. Однако столь впечатляющая динамика роста несколько обесценивается, если подразделить кооперативы на две группы: работающие по заказам госсектора и обслуживающие население. Когда в 1986—1987 гг. обсуждались перспективы кооперативного движения в Средней Азии, предполагалось, что кооперативы в первую очередь помогут решить проблему удовлетворения потребительского спроса и, кроме того, создадут здоровую конкуренцию государственным предприятиям. Ставка, следовательно, делалась на кооперативы, обслуживающие население.

В действительности же события развивались совсем в ином направлении: количество кооперативов, работающих по заказам госпредприятий, увеличилось в 1988—1989 гг. в 3 раза, численность занятых в них — в 4 раза, а стоимость их

¹⁶ Рассчитано по: СССР в цифрах в 1989 г., с. 193—197; Социальное развитие СССР, с. 67—70.

продукции — почти в 5 раз; количество кооперативов, обслуживающих потребительский сектор, увеличилось за тот же период всего на 34 %, численность занятых — на 47 %, а стоимость продукции — на 44 %. Другими словами, и по количеству предприятий, и по численности занятых, и по произведенной продукции в кооперативах, обслуживающих госсектор, темпы прироста были в 10 раз выше, чем в кооперативах, работающих на потребительский рынок¹⁷. И такой разрыв вполне закономерен, поскольку кооперативы первой группы всячески поощрялись, второй — подавлялись.

К этому надо добавить несколько слов о реальной роли кооперативов. Ни о какой конкуренции между ними и государственными предприятиями пока не может быть и речи. Кооперативные цены по крайней мере в 3—5 раз превосходят фиксированный государством потолок. Новый уклад превращается в своего рода спекулятивную олигополитическую структуру с недостижимыми ценами, отражающими не столько действительную стоимость продукции, пусть даже более качественной, сколько ее дефицит в госсекторе.

Искусственно ограничив и сущностно извратив развитие кооперации, государственный монополизм не смог (да и не мог в принципе) абсолютно подчинить себе все вообще экономические процессы, стихийно протекающие в регионе. Взамен он сознательно или бессознательно пошел на их частичную легализацию и даже более того — в определенной мере способствовал расцвету теневой (мелкой некооперативной) экономики. Сейчас в Средней Азии в ее орбиту втянуто примерно 5 млн. человек (или $\frac{1}{5}$ всех занятых), ежегодный объем производимой в ней продукции может быть оценен в 10—15 млрд. руб.¹⁸

РЫНОК НАСТОЯЩИЙ И РЫНОК ПРИКАЗНОЙ

Приведенные выше качественные характеристики экономики четырех среднеазиатских республик убеждают в том, что работа по ее демонополизации, развитию мелкого государственного и негосударственного предпринимательства, преодолению застойного состояния социальной структуры местного общества предстоит грандиозная. Поэтому ей должна соответствовать и антимонопольная политика более масштабная, долговременная и целенаправленная, чем в странах зарубежного Востока, в подавляющем большинстве которых еще до возникновения национальных торгово-промышленных концернов и групп межукладная конкуренция уже существовала — по крайней мере в виде конкуренции мелкокапиталистического производства, мелкотоварного производства и национальной фабрики.

Как же представляется в Средней Азии многоукладная перестройка?

Анализ республиканской печати за 1989—1990 гг. позволяет заключить, что в условиях ухудшения экономического положения, списываемого на рыночные отношения и новые формы хозяйства (хотя ни тех, ни других в среднеазиатских республиках еще почти нет), официальное признание — через республиканские законы о кооперации, о собственности, об аренде, о предприятиях и т. д. — фактически получает вариант, в основе которого лежит расчет на соединение ряда модернизирующихся важнейших экономических и политических звеньев административно-централизованной системы со структурами нового типа. Он предполагает развитие многообразных форм собственности, поэтапное реформирование экономики с постепенным включением в нее товарно-рыночных механизмов, ограничение функций и частичную ликвидацию ведомств. Внутренняя непоследи-

¹⁷ Рассчитано по: СССР в цифрах в 1988 г. М., 1989, с. 177—183; СССР в цифрах в 1989 г., с. 193—197.

¹⁸ В основе тут лежит процесс сращивания государственно-партийных и криминальных структур. По темпам этого процесса среднеазиатский регион, видимо, лидирует среди других регионов СССР, хотя в разных республиках темпы неодинаковы. В Узбекистане, например, они выше, чем в Кыргызстане, где торговля сосредоточена в основном в руках узбеков, а номенклатуру составляют кыргызы, и такое разделение по национальному признаку сильно препятствует их сращиванию.

тельность данного варианта очевидна. Она связана с сохранением господства госсектора в определяющих сферах экономики — хотя и при общем сокращении его удельного веса за счет развития индивидуальных и кооперативных форм в отраслях, специализирующихся на производстве потребительских товаров и услуг.

В рамках данного варианта реформирование госуклада сводится к законодательному разделению различных уровней государственной собственности и, по существу, ее характера. Но если нынешний характер этой собственности, равно как и ее преобладание в основополагающих сферах хозяйства, останется неизменным, то это неизбежно приведет и к сохранению, разве что в несколько видоизмененных формах, административно-централистских начал в экономике, а также к противостоянию старых и новых структур, которое будет разрешаться через насильственное ограничение рыночных укладных связей все теми же административными методами.

Главное противоречие официальной стратегии перехода к многоукладности заключается в том, что условия для радикальных реформ предполагается создать посредством административных, преимущественно запретительных, мер. Между тем такие меры, поскольку они так или иначе подавляют хозяйственную самостоятельность и предпринимательскую деятельность, по самой своей природе не могут создать необходимые стимулы для развития как частного, так и смешанного предпринимательства, аренды, акционирования, кооперации, рынка. В конечном счете это означает, что становление системы хозяйственного плюрализма в Средней Азии отодвигается в будущее, а административно-централистские начала уже сейчас усиливаются (хорошо, если только на время). Но, как показывает опыт последних лет, попытки добиться кардинального изменения ситуации на базе старой системы, пусть даже частично реконструированной, не дают положительных результатов. Следовательно, надо как можно быстрее вносить принципиальные изменения и в тактические, и в стратегические программы перехода. На деле, однако, происходит иное: во всех среднеазиатских республиках идет борьба разных подходов к реформе, и результат ее не ясен, так как процессы преобразований не преодолели еще свои начальные этапы¹⁹.

Выявляя общее и особенное в процессе капиталистического роста стран «третьего мира» на протяжении измеряемого несколькими десятилетиями исторического периода, устанавливая сходные этапы, на которых данный рост приобретал новые структурные пропорции, несложно показать (и это сделано практически во всех страновых исследованиях по зарубежному Востоку), что повсюду внутренний рынок складывался и рос постепенно, новые уклады формировались постепенно, современное товарное производство распространялось тоже постепенно и таким же образом крепили динамичные предпринимательские слои. Отсюда вытекает не слишком оригинальный, но тем не менее бесспорный вывод: новая хозяйственная система и новое качество экономического роста появляются не сразу, развиваясь поначалу в недрах старой системы, т. е. не возникают из ничего и не приходят на готовое.

Либерализация экономики, устранение ограничений, затрудняющих свободный перелив факторов производства в капиталоемкие секторы, реформа финансовой системы с целью стимулирования приоритетных предпринимательских структур, ключевых отраслей и экспортных производств, короче, создание тех условий, которые благоприятствовали бы качественному рывку в производительных силах, — все это в зарубежной Азии опиралось и опирается на уже имевшиеся, долгие годы функционирующие рынки капитала, товаров и труда. Последние же формируются лишь тогда и настолько, когда и насколько в обществе ощущается потребность в их появлении и имеются для этого благоприятные возможности. (Точно так же и положение в международном разделении труда является следствием в первую очередь социально-политических, хозяйственных

¹⁹ В этом смысле чрезвычайно показательны выступления депутатов из Средней Азии на съездах народных депутатов СССР. См., например: Первый Съезд народных депутатов, 25 мая — 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. Т. 2—5. М., 1989.

и культурно-исторических особенностей развития местного общества, а отнюдь не имманентным результатом функционирования мирового хозяйства.) Никто рынка на Востоке не вводил, он сам себя ввел, исподволь разрушив укладные перегородки, которые опять-таки никто не отменял декретом.

Так было по ту сторону границы. А по эту? В советской Азии продолжают уповать на то, что рынок можно ввести в приказном порядке. Якобы дело за малым — за сильной центральной властью типа тех авторитарных режимов, которые заправляли во многих странах «третьего мира»²⁰. Но история зарубежного Востока свидетельствует как раз о другом. Для возникновения рынка никакой сильной власти не требуется. Повторюсь: рынок появляется как результат появления спроса на товары и услуги и предложений товаров и услуг, которые существующая нерыночная система хозяйства не производит. Сначала формируется многоукладный рынок, и лишь затем решается вопрос, с которого в СССР благополучно начали: как следует этот рынок регулировать? Ибо нельзя научиться регулировать то, чего еще и в помине нет. Конечно, используя налоговые и иные стимулы, можно в принципе расчистить путь для рыночного хозяйства. Но поезд по этому пути не пойдет, раз барахлит двигатель, да и все прочие части экономического механизма никуда не годятся.

Нужно одновременно и открывать шлагбаум, и прокладывать новые пути, и приводить в порядок локомотив — а сделать все это сразу, и притом в считанные годы, исключительно сложно. К тому же попытки в точно установленные сроки приватизировать государственную собственность и землю, ввести биржу, частные банки, конкуренцию и т. п. будут оставаться чистым администрированием, пока не будет социальной базы для рыночной экономики — экономически активного среднего класса, обладающего капиталами в виде знаний, умения и денежных средств. Такой базы пока что в Средней Азии нет. Разумеется, здесь можно, постаравшись, найти не одного крупного предпринимателя — в теневой экономике. Но при попытке легализоваться все они окажутся во враждебной или в лучшем случае нейтральной, не поддерживающей среде.

Верно, что для своего успешного развития рынок нуждается в политической и социальной стабильности и, стало быть, в устойчивой политической власти. Но устойчивая власть не равнозначна власти всемогущей, наделенной чрезвычайными полномочиями, ибо если начинает управлять такая власть, то она неминуемо сбивается на авторитарно-волевые меры, а под их гнетом рынок перестает быть рынком. Декретировать можно только один тип экономики — административно-командный (да и то требуется время на то, чтобы он сложился в самодовлеющую систему). Все остальные хозяйственные системы не вводятся, а медленно складываются и саморазвиваются. Если же новые отношения внедряют, да еще экстренно, то не получается ли как раз то, что мы и наблюдаем сейчас в Средней Азии, — переход от одного острого социального кризиса к другому, еще более острому?

Что же тогда делать? Автор ни в коей мере не претендует на выписку спасительного рецепта под занавес статьи сугубо постановочного характера. Быть может, сейчас куда важнее во всей глубине проработать проблему многоукладности применительно к конкретным среднеазиатским условиям. Когда это будет сделано, можно будет решать вопрос о путях перехода. Тем не менее благодаря исследованиям феномена многоукладности на зарубежном Востоке можно с уверенностью сказать следующее. Во-первых, нельзя навязывать советскому Востоку рынок — навязанный рынок рынком не будет. Во-вторых, не надо тормозить процесс стихийного становления рынка — рынок все равно будет развиваться сам, но уже как подпольный и криминальный. И в-третьих, в плане положительной политики государству следует в основном ограничиться созданием благоприятных условий для рынка, т. е. для многоукладного развития, и в первую очередь для роста мелкого производства.

²⁰ Мысль о том, что в Средней Азии отсутствуют демократические традиции и поэтому в регионе возможна только жесткая авторитарная власть, откровенно звучит не только в высказываниях бывших партийных руководителей, но и в центральной прессе. См., например, заметку А. Кружилина «Цена стабильности», опубликованную в «Литературной газете» 14 ноября 1990 г.